

Шкала субъективного остракизма (подростки, молодежь), ШСО-ПМ

Бойкина Е.Э.

Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2707-3969>, e-mail: boykinaee@mgppu.ru

Чиркина Р.В.

Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-7040-7792>, e-mail: rimmach@bk.ru

Радчиков А.С.

Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0009-0008-9378-0937>, e-mail: radchikov_a@yahoo.com

Морозикова И.В.

Смоленский государственный университет (ФГБОУ ВО СмолГУ), г. Смоленск, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0603-7026>, e-mail: irina_morozikova@mail.ru

Пятых Г.А.

Администрация Губернатора Белгородской области, г. Белгород, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4964-8409>, e-mail: belupoln@mail.ru

Анисимова Е.В.

Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7060-602X>, e-mail: anisimovaev@mgppu.ru

В работе приводятся данные стандартизации методики «Шкала субъективного остракизма (подростки, молодежь), ШСО-ПМ», представляющей собой модификацию методики OES-A (Р. Гилман и соавторы, 2013). В русскоязычной версии методика ШСО-ПМ представлена тремя субшкалами: «Игнорирование», «Исключение», «Отвержение». В исследовании приняли участие 2417 человек (75,2% женского пола) в возрасте от 14 до 25 лет (средний возраст — $18,36 \pm 2,61$ лет). Приводятся данные пилотажного исследования с применением метода виньеток. Методика ШСО-ПМ показала хорошую внутреннюю согласованность: альфа Кронбаха = 0,63, 0,83 и 0,62 для субшкал «Игнорирование», «Исключение» и «Отвержение» соответственно; конфирматорный факторный анализ подтвердил соответствие трехфакторной модели данным (SRMR=0,04; GFI=0,96; IFI=0,95; CFI=0,95; RMSEA=0,06). Внешняя валидность подтверждена умеренными положительными корреляционными связями со шкалой стра-

Бойкина Е.Э., Чиркина Р.В., Радчиков А.С.,
Морозикова И.В., Пятых Г.А., Анисимова Е.В.
Шкала субъективного остракизма
(подростки, молодежь), ШСО-ПМ
Психология и право. 2023. Том 13. № 4. С. 132–149

Boykina E.E., Chirkina R.V., Radchikov A.S.,
Morozikova I.V., Pyatykh G.A., Anisimova A.V.
Ostracism Experience Scale
(adolescent, youth), OES-AY (in Russ.)
Psychology and Law. 2023. Vol. 13, no. 4, pp. 132–149

ха отвержения опросника «Диагностика мотивов аффилиации» А. Мехрабиана и результатами методики «Диагностика уровня субъективного ощущения одиночества» Д. Рассела и М. Фергюсона. В приложении приведен текст ШСО-ПМ с инструкцией, ключом и интерпретацией.

Ключевые слова: социальный остракизм, отвержение, игнорирование, исключение, валидизация, стандартизация, Шкала субъективного остракизма (подростки, молодежь), ШСО-ПМ.

Финансирование. Исследование выполнено в рамках работ по методическому обеспечению образовательной деятельности ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» в целях сопровождения работы Федерального координационного центра по обеспечению психологической службы в системе образования на 2023 год.

Благодарности. Авторы благодарят за помощь в сборе данных для исследования Федерацию психологов образования России.

Для цитаты: Бойкина Е.Э., Чиркина Р.В., Радчиков А.С., Морозикова И.В., Пятых Г.А., Анисимова Е.В. Шкала субъективного остракизма (подростки, молодежь), ШСО-ПМ [Электронный ресурс]. Психология и право. 2023. Том 13. № 4. С. 132–149. DOI:10.17759/psylaw.2023130410

Ostracism Experience Scale (adolescent, youth), OES-AY (in Russ.)

Ekaterina E. Boykina

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2707-3969>, e-mail: boykinaee@mgppu.ru

Rimma V. Chirkina

Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russia
ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-7040-7792>, e-mail: rimmach@bk.ru

Andrew S. Radchikov

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia
<http://orcid.org/0009-0008-9378-0937>, e-mail: radchikov_a@yahoo.com

Irina V. Morozikova

Smolensk State University, Smolensk, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0603-7026>, e-mail: irina_morozikova@mail.ru

Galina A. Pyatykh

Administration of the Governor of the Belgorod Region, Belgorod, Russian Federation,
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4964-8409>, e-mail: belupoln@mail.ru

Ekaterina V. Anisimova

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7060-602X>, e-mail: anisimovaev@mgppu.ru

The paper presents data on the standardization of the “Ostracism Experience Scale (adolescent, youth), OES-AY (in Russ.)”, which is a modification of the OES-A (R. Gilman et al., 2013). In the Russian version OES-AY is represented by three subscales: ignoring, exclusion, rejection. The study involved 2417 people aged 14 to 25 years ($M = 18.36$ years, $SD = 2.61$). Data from a pilot study using the vignette method are presented. Distribution of the sample by gender: male 24.8%, female 75.2%. To assess the internal consistency of the questionnaire subscales, Cronbach’s Alpha consistency assessment was used, which showed good consistency of all 3 subscales: “Ignoring” (0.63), “Exclusion” (0.83), “Rejection” (0.62). The general model of the three-factor questionnaire was tested using confirmatory factor analysis, which showed good fit to the data: $SRMR=0.04$; $CMIN/df=9.59$; $GFI=0.96$; $IFI=0.95$; $CFI=0.95$; $RMSEA=0.06$. To assess external validity, the questionnaires “Diagnostics of affiliation motives, A. Mehrabian (in Russ.)” and “Methodology for diagnosing the level of subjective feeling of loneliness by D. Russell and M. Ferguson (in Russ.)” were used. The appendix to the article contains the text of the OES-AY (in Russ.) with instructions, key and interpretation.

Keywords: social ostracism, rejection, ignoring, exclusion, validation, standardization, Ostracism Experience Scale (adolescent, youth), OES-AY (in Russ.).

Funding. The reported study was carried out as part of the work on methodological support of educational activities of the Moscow State Psychological and Pedagogical University in order to support the work of the Federal Coordination Center for the provision of psychological services in the education system for 2023.

Acknowledgements. The authors are grateful for assistance in data collection the Russian Public Organization “Federation of Psychologists of Education of Russia”.

For citation: Boykina E.E., Chirkina R.V., Radchikov A.S., Morozikova I.V., Pyatykh G.A., Anisimova A.V. Ostracism Experience Scale (adolescent, youth), OES-AY (in Russ.). *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2023. Vol. 13, no. 4, pp. 132–149. DOI:10.17759/psylaw.2023130410 (In Russ.).

Введение

Важность фактора социального остракизма, который включает в себя такие субконструкты, как *игнорирование*, *исключение*, *отвержение*, а также рассматривается в контексте родственных феноменов (изоляция, отчужденность, одиночество, стигматизация, буллинг и др.) в процессе развития и становления Человека как социального вида на сегодняшний день не подлежит сомнению. Данный тезис подтверждается не только научными теоретико-эмпирическими исследованиями в области психологических наук [3; 8; 9; 12; 15; 28] и социологии [2; 18].

О значительной роли феномена социального остракизма говорит антропология, этология и история. В Древней Греции остракизм применялся как превентивная мера: в государствах-полисах остракизм применялся как мера изгнания влиятельных граждан на определенный срок. В антропологии как науке, изучающей происхождение и историческое бытие человека, существует устойчивая тенденция считать остракизм формой социального контроля. В данной концепции остракизм зачастую мог быть приравнен к смертной казни остракируемого: на ранних этапах развития человечества изгнанный (из племени, семьи, клана) в новых

аутгрупповых условиях не всегда был способен поддерживать свою жизнедеятельность и был обречен на гибель. Если говорить об остракизме как характеристике, присущей всем социальным видам животных, то этология знает много примеров его использования у видов, ведущих стайный образ жизни: шимпанзе склонны относиться к своим собратьям с особенностями поведения и развития как к изгоям, у волков подчиненные особи избираются еще с рождения, а мать семейства клана луговых собачек жестоко изгоняет в период подготовки к спячке низкостатусных беременных самок. [см.: 1]

Постановка проблемы

Стоит признать тот факт, что феномен социального остракизма, опосредующий мощные негативные эффекты, в рамках теоретико-эмпирических исследований в области психологических наук подвергнут глубокому и всестороннему анализу. В зарубежных исследованиях социальный остракизм и родственные феномены изучались целой плеядой ученых из разных стран: К.Д. Вильямсом, Л. Задро, С. Нидой, К.Л. Зоммер, Р. Баумайстером, Э.Д. Вессельманном, Д. Реном, Ж. Ченом, Н. де Воллом, М. Пфундмайер, Й. Райхертом, К. Конопкой, Л.Р. Хьюсманном, П. Ривой, Дж.Б. Нецлеком и другими.

В отечественных исследованиях процессы, связанные с игнорированием, исключением, отвержением, также подвергаются всестороннему научно-практическому анализу и систематизации (Б.Н. Алмазов, Бойкина Е.Э., А.Е. Войскунский, Дозорцева Е.Г., Т.В. Шипунова, В.В. Титкова, Е.П. Ильин, Е.В. Киселева и др.).

Видный советский исследователь криминальной психологии В.Ф. Пирожков, анализируя значимость факторов *социальной изоляции* несовершеннолетних заключенных говорит о том, что сила изоляции настолько велика, что она способна стереть грань «между различными асоциальными и криминальными типами (...насильником, бродягой, хулиганом, мелким вором и т. п.)» и приводит к формированию «...нового типа — личности осужденного (личности несовершеннолетнего в условиях правовых ограничений)» [8, с. 366].

В контексте анализа депривационного характера отношений группы с широким социумом по принципу выделения ее инициатора М.Ю. Кондратьев описал различные виды изоляции: вынужденную, принудительную, добровольную и добровольно-принудительную. В данной типологии ученый активно изучил подгруппу принудительной изоляции, в которой группы людей подвергаются «...своеобразному временному остракизму — осужденные в условиях различных исправительно- и воспитательно-трудовых учреждений» [5, с. 60].

В исследовании Е.Э. Бойкиной были получены значимые результаты, свидетельствующие о том, что остракизм в его хронической форме может нанести тяжелый урон психическому здоровью несовершеннолетних [3].

Активный прирост теоретического массива знаний в области социального остракизма позволил отечественным исследователям перейти на уровень формирования практико-ориентированного знания в данной области, о чем свидетельствуют работы Л.Н. Костиной, И.В. Ульяновой, Е.Ю. Костиной, И.В. Морозиковой, Н.В. Путинцевой, Р.В. Чиркиной, Е.М. Шпагиной и других [1; 6; 7; 10; 17]. Однако, несмотря на широкую академическую представленность социального остракизма и его родственных феноменов в контексте научного дискурса, приходится констатировать ряд проблем в области методологии исследования данных феноменов в Российской Федерации. На данный момент нам удалось обнаружить лишь несколько методик, которые отечественные исследователи могут применять при изучении процессов игнорирования, исключения и/или отвержения [13; 14]. С учетом вышеска-

занного можно считать проблематику дефицита диагностического инструментария для изучения аспектов феномена социального остракизма актуальной и востребованной, с точки зрения как науки, так и практики.

Триада социального остракизма

Основываясь на анализе результатов собственного эмпирического исследования [1; 3; 4], мы пришли к выводу о необходимости дополнения структуры феномена остракизма, представленной в модели К.Д. Вильямса, в которой остракизм представлен в качестве двухфакторного конструкта (игнорирование, социальное исключение). Отвержение рассматривалось вне этой модели [30].

В данном исследовании мы стоим на позиции, постулирующей феномен социального остракизма как трехфакторный конструкт, включающий в себя такие подконструкты, как *игнорирование*, *исключение*, *отвержение*, поскольку, как показывают исследования, границы между данными подконструктами по факту весьма тонки и часто пересекаются [3; 27; 31]. При адаптации утверждений методики «Шкала субъективного остракизма (подростки, молодежь)» (далее — ШСО-ПМ) по субшкалам «Игнорирование» и «Исключение» и разработке утверждений по субшкале «Отвержение» мы исходили из следующего понимания данных подконструктов.

Игнорирование. В психологическом дискурсе подконструкт социального остракизма «Игнорирование» позиционируется как его пассивная форма (например, по сравнению с отвержением) [25]. Именно эта характеристика, как считают Д. Молден с коллегами, опосредует и способ реагирования на «игнор»: в серии экспериментов ученые получили результаты, свидетельствующие о том, что в отличие от отвергаемых испытуемых игнорируемые чаще предпринимали активные попытки социальной реинтеграции, уделяли повышенное внимание действиям, которые препятствовали бы повторному игнорированию [там же]. Без сомнения, данный механизм проактивного реагирования активно используется в педагогике. Так, например, в своем аналитическом обзоре «Остракизм» (2007) К.Д. Вильямс упоминал о корректирующем педагогическом методе *тайм-аута* (англ., time out — короткий перерыв, передышка), описывая его как «...непродолжительный период времени, в течение которого ребенок игнорируется или исключается» с целью корректировки его поведения [29, с. 440]. О силе и важности *запланированного игнорирования* (англ., planned ignoring) как воспитательной технологии пишут К. Беарс с соавторами в книге, посвященной методам работы родителей по профилактике деструктивного поведения у детей [20].

В оригинальном варианте «Шкалы субъективного остракизма — подростки» Р. Гилмана и соавторов субшкала «Игнорирование» представлена, в частности, следующими утверждениями «В основном другие... относятся ко мне как к невидимке / ... игнорировали мои приветствия при встрече / ... смотрят сквозь меня, будто я не существую» [23]. Сами авторы методики дают очень простое определение субконструкту «Игнорирование»: «...те, кого называют социально пренебрегаемыми (т. е. игнорируемыми)... этих молодых людей просто не замечают сверстники» [там же, с. 320].

С учетом вышесказанного в нашем исследовании игнорирование мы понимаем как «умышленное оставление без внимания, пренебрежение кем-либо или чем-либо» [1, с. 270].

Социальное исключение. Принято считать, что авторство термина «социальное исключение» (или его синонима «социальная эксклюзия») принадлежит Р. Ленуару, государственному секретарю по социальным вопросам при президенте В.Ж. д'Эстене (Франция, 70-е годы

XX века). Политик выделял данное явление прежде всего как социально-экономический феномен, только как переживание социальных проблем: бедности, отсутствия доступа к образованию, медицинским услугам, как физическую изоляцию. [см.: 15, с. 29].

Осознание явления социального исключения сквозь призму психологического знания пришло позднее. Неоценимый вклад в понимание социальной эксклюзии с точки зрения ее объекта (на примере лиц без определенного места жительства) внес К. Эмманюэлли, описавший полный цикл деградации «человека исключаемого» [18].

В работах зарубежных исследователей операционализация понятия «социальное исключение», к сожалению, не отличается четкостью и дифференцированностью. Так, Дж.М. Твендж определяет данный подконструкт остракизма как «будучи исключенным, изолированным, временами с внешним проявлением неодобрения, а иногда — без него». По мнению К.Д. Вильямса, «...исключение происходит после некоего взаимодействия и отделения кого-то от группы, либо в качестве гипотетической меры в будущем» [см.: 29, с. 429]

Наиболее близким к пониманию смыслового наполнения утверждений субшкалы «Исключение» в ШСО-ПМ мы считаем определение, которое предлагает Г.В. Семенова и соавторы: *социальное исключение* — это «...один из видов микроагрессивного поведения, цель которого состоит в отказе человеку от права быть членом значимых для него социальных групп (родственной, семейной, дружеской, сетевого сообщества), и/или депривация права быть включенным в диадические личностные отношения (дружеские, любовные, семейные). Это разрыв психологических (в том числе символических) связей между человеком и значимым другим (группой), который субъективно воспринимается как страдание, осознается как болезненное переживание отвергнутости, невключенности, обесценивания» [13, с. 99].

Отвержение. На наш взгляд, факт того, что в модель остракизма подконструкт «отвержение» К.Д. Вильямсом включен не был, является парадоксом. Если обратиться собственно к истории возникновения слова «остракизм», то, как политическая мера времен Античности, остракизм представлял собой именно процесс отвержения — публичного, демонстративного изгнания.

Упоминание об этом критерии мы также находим и в психологии. В своей работе М. Лири так характеризует данный феномен: «Отвержение обычно реализуется как заявление человека или группы о том, что они не хотят (или больше не хотят) взаимодействовать или находиться в компании человека». Ученый также считает, что «...отвержение обычно не предполагает длительного эпизода, а происходит после взаимодействия и разлуки» [см. по: 29, с. 429].

В ШСО-ПМ под отвержением мы понимаем процесс отторжения от общества, непринятие обществом, основной чертой которого является демонстративность действия со стороны субъекта (отвержения).

Исследование восприятия различий между подконструктами социального остракизма в среде несовершеннолетних

Для организации исследования необходимо было выбрать ряд методик (определение внешней валидности), описывающих либо сходные субконструкты социального остракизма, либо близкие родственные феномены. С учетом проблематики дефицита диагностического инструментария в исследуемой области нами было принято решение использовать уже стандартизированные сравнительные методики, измеряющие те или иные родственные остракизму понятия. Для определения наиболее близких подконструктам остракизма понятиям нами

был: 1) сформулирован поисковый вопрос: «Насколько четко наши испытуемые различают «нюансы» социального остракизма?» и 2) организовано пилотажное исследование.

Метод (пилотажное исследование). Основываясь на понимании исследуемых подконструктов остракизма, которое представлено выше, мы провели опрос в форме виньеток с применением условий множественного выбора ответов. Помимо заданных ситуаций-виньеток, описывающих игнорирование, исключение и отвержение, нами также были включены винюетки с описанием родственного социальному остракизму понятий (одиночество, травля, стигматизация), а также предоставлена возможность выбора опции «другое».

Пример винюетки (ситуация «Исключение»):

«Летом А. получила тяжелую травму и весь следующий учебный год была прикована к кровати. По соцсетям друзей А. видела, как класс съездил на экскурсию, сходил в театр. А. продолжала общаться с одноклассниками по телефону и в соцсетях, но никто ее больше нигде не приглашал».

Выборка данного исследования составила 313 несовершеннолетних (мальчики — 146 (45,8%), девочки — 167 (54,2%), средний возраст — 14,7 лет.

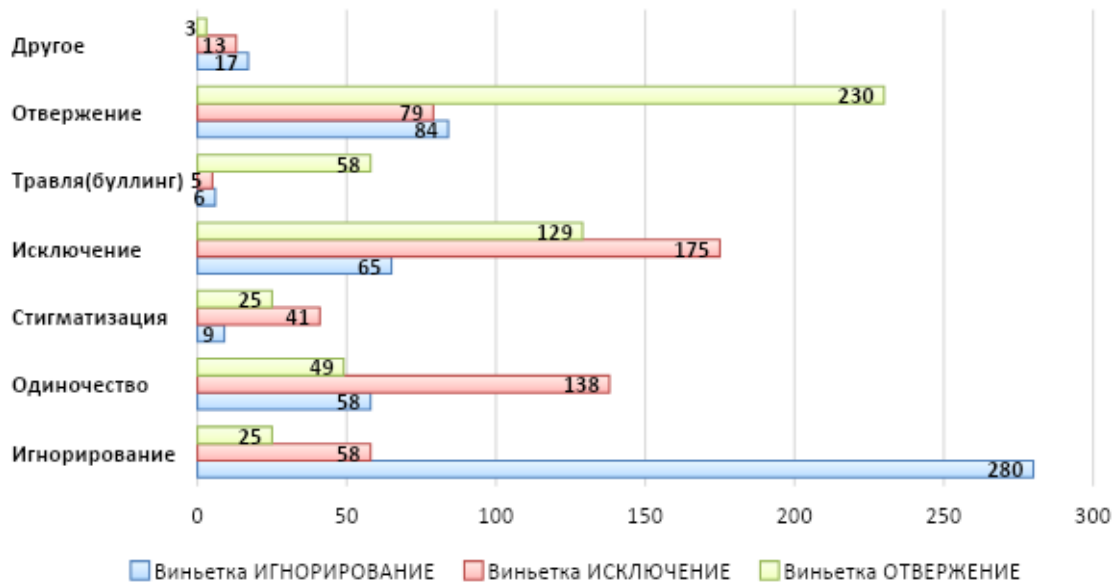

Рис. 1. Результаты опроса в форме виньеток «Как вы это понимаете?» по трем субшкалам социального остракизма и трем родственным остракизму феноменам

Результаты и обсуждение. Согласно полученным результатам (рис. 1), в 100% случаев максимальные значения в ответах респондентов соответствовали тому конструкту, который изначально был заложен в винюетку. Как видно из представленных выше результатов и с учетом условий множественного выбора ответов, несовершеннолетние рассматривают анализируемые подконструкты социального остракизма не в качестве унитарных явлений, а, скорее, в качестве понятий, имеющих основное понятийное ядро и периферию. Так, например, ситуация игнорирования характеризовалась довольно сильной периферией: 44,1% респондентов (138 из 313) связали явление исключения с *одиночеством*.

Выводы. Полученные результаты позволили нам сделать вывод о том, что несовершеннолетние с высокой долей вероятности (от 55,9 до 89,5%) правильно идентифицируют признаки проявления феномена социального остракизма. Нами также получены результаты, позво-

ляющие использовать для анализа внешней валидности ШСО-ПМ ряд родственных феноменов, таких как одиночество, травля и стигматизация.

Методика Ostracism Experience Scale for Adolescents, R. Gilman [et al.]

В данной статье нами приводятся данные по стандартизации методики «Шкала субъективного остракизма — Подростки, молодежь», в основу которой легла методика *Ostracism Experience Scale for Adolescents, OES-A* (англ.), разработанная и валидизированная коллективом авторов в 2013 г. (R. Gilman, A. Carter-Sowell, C.N. DeWall, R.E. Adams, I. Carboni) [23].

Методика OES-A (R. Gilman et al., 2013) представляет из себя экспресс-шкалу для самооценки подростками собственного уровня остракизации, включает в себя две субшкалы «Игнорирование» и «Исключение». В первоначальном варианте OES-A содержала 19 утверждений, но после проведения исследования на выборке из 876 старшеклассников в итоговом варианте осталось 11. Для подтверждения конструктивной валидности диагностического инструментария группой ученых были применены исследовательский и конфирматорный факторный анализ, двумерные корреляции и иерархическая регрессия [там же]. Данная методика активно применяется в научных исследованиях социального остракизма [3; 22; 26]. Известно о валидации OES-A на турецком [19] и китайском языках [24]. В 2019 г. Е.Э. Бойкиной в РФ англоязычная методика OES-A была адаптирована на русском языке [4], а в 2022 г. на ее основе проведено исследование социального остракизма как фактора антисоциального поведения несовершеннолетних [1, 3].

Субшкала «Отвержение», которая не входила в структуру методики OES-A (R. Gilman et al., 2013) сформирована авторами исследования в ходе ряда пилотажных исследований с опорой на концептуализацию подконструкта «Отвержение», описанную выше и субшкалу «Страх отвержения» методики «Диагностика мотивов аффилиации А. Мехрабиан».

Программа исследования

Выборка. 2417 испытуемых из 15 регионов Российской Федерации (Белгородская, Брянская, Владимирская, Вологодская, Калининградская, Калужская, Псковская, Ростовская области, Красноярский край, города Великий Устюг, Москва, Петрозаводск, Саратов, Самара, Смоленск); юноши — 599 (24,8%), девушки — 1818 (75,2%). Средний возраст по выборке составил $18,3 \pm 2,61$ лет.

Исследование предполагало разделение общего числа участников на 2 возрастные группы (подростки и молодежь). Подростки в возрасте от 14 до 17 лет — 993 человека (41%, MAGE 16,2), из них 594 (60%) девушек и 399 (40%) юношей. Молодежь в возрасте от 18 до 25 лет — 1395 человек (58%, MAGE 21,8), из них 1202 (86%) девушки и 193 (14%) юноши. Возраст не указали 29 (1%) испытуемых.

Методики. Модифицированная ШСО-ПМ, включающая 3 субшкалы: «Игнорирование» (5 вопросов), «Исключение» (5 вопросов), «Отвержение» (4 вопроса). Для проверки внешней валидности использовались методики: «Диагностика мотивов аффилиации» А. Мехрабиана, шкала СО (страх отвержения) [16] и «Методика диагностики уровня субъективного ощущения одиночества» Д. Рассела и М. Фергюсона [11].

Процедура. Исследование проводилось посредством заполнения испытуемыми онлайн-формы, в которую входили следующие блоки: 1) преамбула (приветствие и объяснение фобулы); 2) демографический блок (код организации с номером участника; пол; возраст); 3) методика «Шкала субъективного остракизма (подростки, молодежь)»; 4) методика «Диагностика мотивов аффилиации» А. Мехрабиана (полностью: шкалы «Страх отвержения», «Стремле-

ние к принятию»; 5) методика «Диагностика уровня субъективного ощущения одиночества» Д. Рассела и М. Фергюсона».

Результаты и их интерпретация

Описательная статистика и внутренняя согласованность (альфа Кронбаха) для всех субшкал методики ШСО-ПМ представлена в табл. 1. Внутренняя согласованность субшкал оказалась не очень высокой, что может объясняться небольшим количеством вопросов в каждой субшкале или сложностью конструкторов. Тем не менее, коэффициенты альфы Кронбаха более 0,6 могут считаться приемлемыми [8]. Небольшие корреляции между субшкалами (табл. 1) свидетельствуют об относительной независимости подконструкторов социального остракизма: игнорирования, социального исключения и отвержения.

Таблица 1

Описательные статистики, показатели внутренней согласованности и внутренние корреляции для всех субшкал российской версии опросника ШСО-ПМ

Шкала	Среднее ± станд. отклонение	Me [LQ; MQ]	α Кронбаха	Корреляции	
				Игнорирование	Исключение
Игнорирование	1,77 ± 0,53	1,60 [1,40; 2,00]	0,63		
Исключение	2,94 ± 0,87	2,80 [2,40; 3,40]	0,83	0,47*	
Отвержение	2,12 ± 0,63	2,00 [1,75; 2,50]	0,62	0,46*	0,27*

Примечание: Me — медиана; LQ — нижний квартиль; MQ — верхний квартиль; «*» — $p < 0,05$.

Для проверки новой модели методики ШСО-ПМ с добавленной третьей шкалой «Отвержение» использовался конфирматорный факторный анализ, который показал, что модель хорошо соответствует данным (SRMR=0,04; CMIN/df = 9,59; GFI = 0,96; IFI = 0,95; CFI = 0,95; RMSEA = 0,060 [0,056; 0,064]). На рис. 2 представлена структура опросника.

Для оценки внешней валидности были посчитаны коэффициенты корреляции Пирсона между субшкалами методики и шкалой «Страх отвержения» (СО) опросника «Диагностика мотивов аффилиации» А. Мехрабиана, а также корреляции с результатами методики «Диагностика уровня субъективного ощущения одиночества» Д. Рассела и М. Фергюсона (табл. 2).

Таблица 2

Корреляции для всех субшкал ШСО-ПМ с методиками «Диагностика мотивов аффилиации» А. Мехрабиана и «Диагностика уровня субъективного ощущения одиночества» Д. Рассела и М. Фергюсона

Шкала	Корреляции	
	Страх отвержения	Шкала субъективного ощущения одиночества
Игнорирование	0,46*	0,56*
Исключение	0,49*	0,51*
Отвержение	0,29*	0,40*

Примечание: «*» — $p < 0,05$.

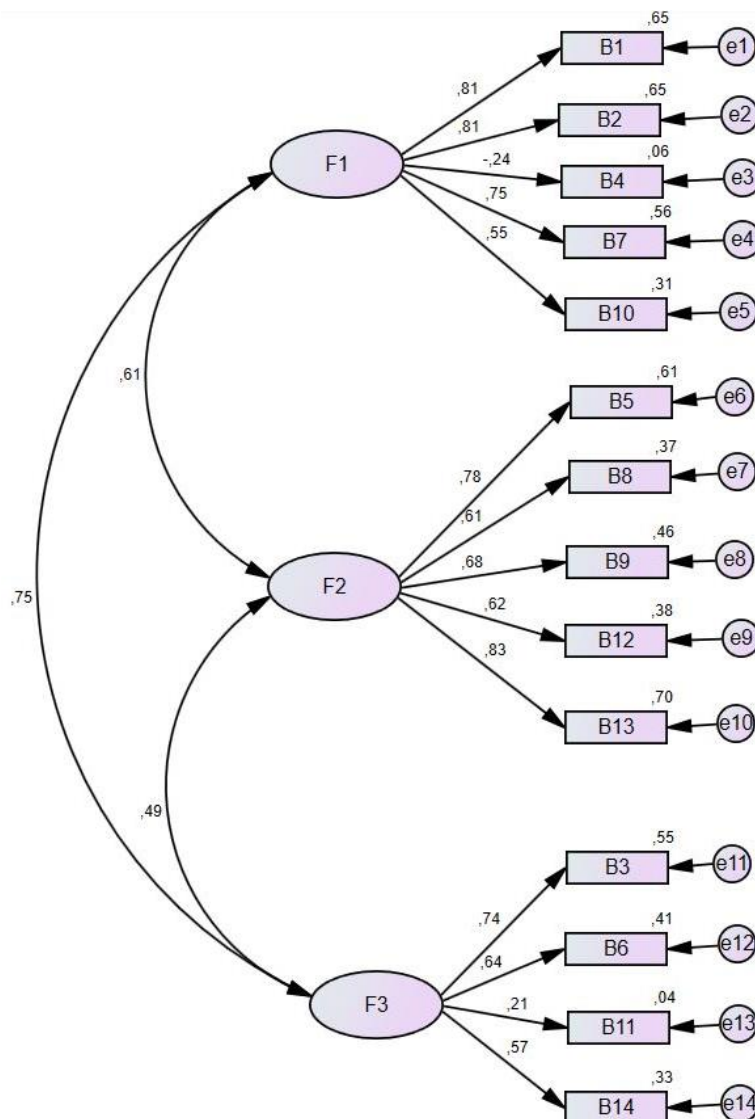

Рис. 2. Результаты конфирматорного факторного анализа: структура опросника с тремя шкалами (номера вопросов соответствуют Приложению)

Как и ожидалось, шкалы «Игнорирование» и «Исключение» показали умеренную значимую положительную корреляцию с используемыми методиками (с опросником «Диагностика мотивов аффилиации» А. Мехрабиана — 0,46 и 0,56 соответственно, с опросником «Методика диагностики уровня субъективного ощущения одиночества» Д. Рассела и М. Фергюсона — 0,49 и 0,51 соответственно). Новая шкала «Отвержение» показала слабую значимую связь с опросником «Диагностика мотивов аффилиации» А. Мехрабиана ($r = 0,29$; $p < 0,05$) и умеренную положительную связь с опросником «Методика диагностики уровня субъективного ощущения одиночества» Д. Рассела и М. Фергюсона ($r = 0,40$; $p < 0,05$).

Для оценки различий половозрастной структуры опросника был проведен многофакторный дисперсионный анализ. Несмотря на статистически значимые различия между некоторыми группами, эта-квадрат не превышал отметки в 0,01, что говорит о крайне слабой величине эффекта. Статистически значимые различия с большой величиной эффекта были

найлены только между самими шкалами опросника: наибольшие значения имеет шкала «Исключение», наименьшие — «Игнорирование» ($p < 0,01$, эта-квадрат = 0,45). Таким образом можно сделать выводы, что для методики ШСО-ПМ нет различий между участниками разного пола и возраста (подростки и молодежь). Такие результаты согласуются с данными, полученными в ходе валидизации OES-A, которые также показали инвариантность результатов относительно демографических характеристик [23, с. 324—325].

Исходя из представленных результатов, мы можем выделить единые нормы для молодежи и подростков вне зависимости от пола. Для выделения норм для каждой шкалы использовали значения верхнего и нижнего квартиля. В приложении представлены нормы для каждой субшкалы опросника.

Выводы

Результаты исследования позволяют сделать достоверные выводы о надежности опросника ШСО-ПМ как диагностического инструментария всех трех подконструктов феномена социального остракизма: игнорирования, исключения и отвержения. Ввиду того, что исследование не выявило статистически значимой разницы по критериям «возрастная группа» и «пол», ШСО-ПМ может быть использован для лиц в возрасте от 14 лет до 25 лет для представителей женского и мужского пола. Интерпретацию результатов обработки методики ШСО-ПМ следует проводить, опираясь на полученные в ходе исследования нормы (Приложение).

Опросник «Шкала субъективного остракизма (подростки, молодежь)» может быть использован в деятельности специалистов в педагогике, психологии и социологии в качестве верифицированного диагностического инструментария при определении рисков субъективной остракизации подростков и представителей молодежи. Для получения более ясной картины о степени влияния остракизма на испытуемого методику ШСО-ПМ следует совмещать с предъявлением и анализом методики «Шкала нарушенных потребностей. Остракизм (подростки, молодежь)».

Приложение

Шкала субъективного остракизма (подростки, молодежь), ШСО-ПМ
(модификация Ostracism Experience Scale for Adolescents (OES-A), Gilman R., et al., 2013;
модификация и стандартизация Бойкиной Е.Э. и др., 2023)

Инструкция.

Перед тобой 14 утверждений. Они касаются того, как обычно ты общаешься со своим окружением: родными, друзьями, учителями и другими людьми. Постарайся описать свои ощущения. Не спеши, можешь вспомнить какие-нибудь ситуации из жизни.

Все ответы конфиденциальны. Спасибо.

№	Утверждение	Никогда	Редко	Иногда	Часто	Всегда
<i>В основном, другие...</i>						
1	...относятся ко мне как к невидимке					
2	...смотрят сквозь меня, будто я не существую					
3	...отвергают мои предложения					
4	...игнорируют меня во время разговора					
5	...приглашают меня на выходные					

6	...отказывают мне, когда я что-либо спрашиваю					
7	... игнорируют меня					
8	...проводят время со мной у меня дома					
9	...приглашают меня стать членом их клуба, организации, группы					
10	...игнорируют мои приветствия при встрече					
11	...не стесняются писать мне в соцсети, что не пойдут со мной на встречу					
12	...всячески стараются привлечь моё внимание					
13	...приглашают меня присоединиться к ним в хобби, провести вместе выходные или сходить куда-нибудь					
14	...часто противоречат мне в большой компании					

Ключ.

Игнорирование: 1, 2, 4, 7, 10.

Исключение: 5*, 8*, 9*, 12*, 13*.

Отвержение: 3*, 6, 11, 14.

Прямые утверждения: 1, 2, 4, 6, 7, 10, 11, 14 (никогда — 1 балл, редко — 2 балла, иногда — 3 балла, часто — 4, всегда — 5 баллов).

Обратные утверждения (отмечены звездочкой «»):* 3, 5, 8, 9, 12, 13 (оцениваются в обратном порядке: никогда — 5 баллов, редко — 4 балла, иногда — 3 балла, часто — 2 балла, всегда — 1 балл).

По каждой субшкале вычисляются средние значения по всем вопросам, входящим в субшкалу.

Интерпретация

Чем выше средний показатель оценки результатов по отдельно взятой субшкале (см. нормы), тем выше уровень субъективизации игнорирования, исключения или отвержения. Иными словами, чем выше данный показатель, тем сильнее подросток/представитель молодежи субъективно ощущает себя игнорируемым, исключенным или отвергаемым.

Нормы для опросника ШСО-ПМ

Субшкала	Уровни выраженности подконструктов социального остракизма		
	Низкий	Средний (норма)	Высокий
Игнорирование	От 1 до 1,3	От 1,4 до 2	От 2,1 до 5
Исключение	От 1 до 2,3	От 2,4 до 3,4	От 3,5 до 5
Отвержение	От 1 до 1,6	От 1,7 до 2,5	От 2,6 до 5

Литература

1. Антология остракизма: учебное пособие / Под ред. Е.Э. Бойкиной. М.: ИД «Городец», 2023. 288 с.
2. Астоянц М.С. Социальное сиротство: условия, механизмы и динамика эксклюзии: социокультурная интерпретация: Дисс. ... докт. социол. наук. Ростов-на-Дону, 2007. 381 с.
3. Бойкина Е.Э. Социальный остракизм и антисоциальное поведение несовершеннолетних [Электронный ресурс] // Психология и право. 2023. Том 13. № 1. С. 119–134. doi:10.17759/psylaw.2023130109
4. Бойкина Е.Э. Роль игнорирования и социального исключения в формировании антисоциального поведения у детей. Результаты экспериментального исследования: часть 1. Методология // Профилактика девиантного поведения детей и молодежи: региональные модели и технологии: Профилактика девиантного поведения детей и молодежи: региональные модели и технологии: сборник статей по материалам международной научно-практической конференции, 8-10 октября 2019 года / под ред. Коврова В.В. Ялта: ИТ «Ариал», 2019. С. 29–36.
5. Кондратьев М.Ю. Подросток в замкнутом круге общения. М.: Институт практической психологии; Воронеж: НПО «МОДЭК», 1997. 335 с.
6. Костина Л.Н., Ульянова И.В., Костина Е.Ю. Психологические и педагогические технологии помощи несовершеннолетним, подвергаемым остракизму: Учебное пособие. М.: ИП Колупаева Е.В., 2022. 142 с.
7. Морозикова И.В. Психологические основы предупреждения конфликтных ситуаций в закрытых группах (на примере воинского коллектива) // Драгомировские образовательные чтения: Сборник научных статей по материалам II международной научно-практической конференции / Отв. ред. И.И. Грачёв. Пенза, 2019. С. 282–285.
8. Митина О.В. Альфа Кронбаха: когда и зачем ее считать // Современная психодиагностика России. Преодоление кризиса: Сборник материалов III Всероссийской конференции: В 2 т. Т. 1 / Отв. ред. Н.А. Батулин и др. Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ, 2015. С. 232–240.
9. Пирожков В.Ф. Криминальная психология. М.: Ось-8, 2007. 704 с.
10. Путинцева Н.В. Консилиум / Совет профилактики в формате восстановительной программы «Круг сообщества» в центрах содействия семейному воспитанию // Вестник восстановительной юстиции. 2023. № 17. С. 73–75.
11. Райгородский Д.Я. Практическая психодиагностика. Методики и тесты: Учебное пособие. Самара: Издательский дом «БАХРАХ», 1998. 672 с.
12. Рягузова Е.В. Межличностное отвержение как особый вариант отношений в онтологической константе Я — Другой [Электронный ресурс] // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Акмеология образования. Психология развития. 2023. Том 12. Вып. 1 (45). С. 24–33. doi:10.18500/2304-9790-2023-12-1-24-33
13. Семенова Г.В., Векилова С.А., Рудыхина О.В. Переживание социального исключения: разработка и апробация опросника [Электронный ресурс] // Социальная психология и общество. 2022. Том 13. № 3. С. 97–115. doi:10.17759/sps.2022130307
14. Суворова И.Ю. Разработка пробной версии опросника на определение переживания исключения из социальной системы [Электронный ресурс] // Социальная психология и общество. 2016. Том 7. № 4. С. 132–146. doi:10.17759/sps.2016070409
15. Суворова И.Ю. Социальная эксклюзия как социально-психологический феномен // Социальная психология и общество. 2014. Том 5. № 4. С. 29–43.

Бойкина Е.Э., Чиркина Р.В., Радчиков А.С.,
Морозикова И.В., Пятых Г.А., Анисимова Е.В.
Шкала субъективного остракизма
(подростки, молодежь), ШСО-ПМ
Психология и право. 2023. Том 13. № 4. С. 132–149

Boykina E.E., Chirkina R.V., Radchikov A.S.,
Morozikova I.V., Pyatykh G.A., Anisimova A.V.
Ostracism Experience Scale
(adolescent, youth), OES-AY (in Russ.)
Psychology and Law. 2023. Vol. 13, no. 4, pp. 132–149

16. Фетискин Н.П., Козлов В.В., Мануйлов Г.М. Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп. М.: Издательство Института психотерапии, 2002. 362 с.
17. Харарбахова М.А., Мусатова О.А., Шпагина Е.М. Интернет и одиночество подростков [Электронный ресурс] // Психология и право. 2021. Том 11. № 4. С. 2–13. doi:10.17759/psylaw.2021110401
18. Эммануэлли К. Отверженные: как победить пренебрежение к изгоям? М.: NOTA BENE, 2009. 239 с.
19. Ahmet A., Uysal R., Ümran A. Ergenler İçin Ostracizm (Sosyal Dışlanma) Ölçeğinin Türkçe'ye // Kastamonu Eğitim Dergisi. 2016. Vol. 24(2). P. 895–904.
20. Bearss K., Johnson C.R., Handen B.L., Butter E., Lecavalier L., Smith T., Scahill L. Planned Ignoring // Bearss K., Johnson C.R., Handen B.L., Butter E., Lecavalier L., Smith T., Scahill L. Parent Training for Disruptive Behavior. Oxford: Oxford University Press, 2018. P. 79–94. doi:10.1093/med-psych/9780190627812.003.0006
21. Çiftci N., Yıldız M., Çiftci K. The mediating role of social ostracism in the effect of social media-addiction on loneliness in adolescents // Journal of Pediatric Nursing. 2023. Vol. 73. P. 177–183. doi:10.1016/j.pedn.2023.09.005
22. Hudaynazarova A., Avşaroğlu S. Investigation of ostracism (social exclusion) and forgiveness levels of adolescents with positive and negative life experiences // International Journal on Social and Education Sciences. 2023. Vol. 5(2). P. 393–403. doi:10.46328/ijones.524
23. Gilman R., Carter-Sowell A., DeWall C.N., Adams R.E., Carboni I. Validation of the Ostracism Experience Scale for Adolescents // Psychological Assessment. 2013. Vol. 25(2). P. 319–330. doi:10.1037/a0030913
24. Li S., Zhao F., Yu G. Ostracism and aggression among adolescents: Implicit theories of personality moderated the mediating effect of self-esteem // Children and Youth Services Review. 2019. Vol. 100(1). doi:10.1016/j.childyouth.2019.02.043
25. Molden D.C., Lucas G.M., Gardner W.L., Dean K., Knowles M.L. Motivations for Prevention or Promotion Following Social Exclusion: Being Rejected Versus Being Ignored // Journal of Personality and Social Psychology. 2009. Vol. 96(2). P. 415–431. doi:10.1037/a0012958
26. Ogurlu U. Ostracism among Gifted Adolescents: A Preliminary Study in Turkey // Educational process: International Journal. 2015. Vol. 4(1-2). P. 18–30. doi:10.12973/edupij.2015.412.2
27. Richman L., Leary M. Reactions to Discrimination, Stigmatization, Ostracism, and Other Forms of Interpersonal Rejection: A Multimotive Model // Psychological Review. 2009. Vol. 116(2). P. 365–383. doi:10.1037/a0015250
28. The social outcast: Ostracism, social exclusion, rejection, and bullying / Ed. by K.D. Williams, J.P. Forgas, W. von Hippel. New York: Psychology Press, 2005. 389 p.
29. Williams K.D. Ostracism // The Annual Review of Psychology. 2007. Vol. 58. P. 425–452. doi:10.1146/annurev.psych.58.110405.085641
30. Williams K.D. Ostracism: a temporal need-threat model // Advances in Experimental Social Psychology. 2009. Vol. 41. P. 279–314. doi:10.1016/S0065-2601(08)00406-1
31. Williams K.D., Zadro L. Ostracism: On being ignored, excluded, and rejected // Interpersonal rejection / Ed. by M.R. Leary. New York: Oxford University Press, 2001. P. 21–53.

References

1. Boikina E.E. (ed.). Antologiya ostrakizma: uchebnoe posobie. Moscow: ID “Gorodets”, 2023. 288 p. (In Russ.).

2. Astoyants M.S. Sotsial'noe sirotstvo: usloviya, mekhanizmy i dinamika eksklyuzii: sotsiokul'turnaya interpretatsiya: Diss. dokt. sotsiol. nauk. Rostov-on-Don, 2007. 381 p. (In Russ.).
3. Boikina E.E. Sotsial'nyi ostrakizm i antisotsial'noe povedenie nesovershennoletnikh [Social Ostracism and Minors' Antisocial Behavior] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2023. Vol. 13, no. 1, pp. 119–134. doi:10.17759/psylaw.2023130109
4. Boikina E.E. Rol' ignorirovaniya i sotsial'nogo isklyucheniya v formirovanii antisotsial'nogo povedeniya u detei. Rezul'taty eksperimental'nogo issledovaniya: chast' 1. Metodologiya. In Kovrov V.V. (ed.). *Profilaktika deviantnogo povedeniya detei i molodezhi: regional'nye modeli i tekhnologii: Profilaktika deviantnogo povedeniya detei i molodezhi: regional'nye modeli i tekhnologii: sbornik statei po materialam mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, 8-10 oktyabrya 2019 goda*. Yalta: IT "Arial", 2019, pp. 29–36. (In Russ.).
5. Kondratyev M.Yu. Podrostok v zamknutom krugе obshcheniya. Moscow: Institut prakticheskoi psikhologii; Voronezh: NPO "MODEK", 1997. 335 p. (In Russ.).
6. Kostina L.N., Ulyanova I.V., Kostina E.Yu. Psikhologicheskie i pedagogicheskie tekhnologii pomoshchi nesovershennoletnim, podvergaemym ostrakizmu [Psychological and pedagogical technologies of assistance to minors subjected to ostracism]: Uchebnoe posobie. Moscow: IP Kolupaeva E.V., 2022. 142 p. (In Russ.).
7. Morozikova I.V. Psikhologicheskie osnovy preduprezhdeniya konfliktnykh situatsii v zakrytykh gruppakh (na primere voinskogo kollektiva). In Grachev I.I. (ed.). *Dragomirovskie obrazovatel'nye chteniya: Sbornik nauchnykh statei po materialam II mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii*. Penza, 2019, pp. 282–285. (In Russ.).
8. Mitina O.V. Al'fa Kronbakha: kogda i zachem ee schitat'. In Baturin N.A. et al. (eds.). *Sovremennaya psikhodiagnostika Rossii. Preodolenie krizisa: Sbornik materialov III Vserossiiskoi konferentsii: V 2 t. T. 1*. Chelyabinsk: Izdatel'skii tsentr YuUrGU, 2015, pp. 232–240. (In Russ.).
9. Pirozhkov V.F. Kriminal'naya psikhologiya. Moscow: Os'-8, 2007. 704 p. (In Russ.).
10. Putintseva N.V. Konsilium / Sovet profilaktiki v formate vosstanovitel'noi programmy "Krug soobshchestva" v Tsentrah sodeistviya semeinomu vospitaniyu. *Vestnik vosstanovitel'noi yustitsii = Restorative Justice Herald*, 2023, no. 17, pp. 73–75 (In Russ.).
11. Raigorodsky D.Ya. Prakticheskaya psikhodiagnostika. Metodiki i testy: Uchebnoe posobie. Samara: Izdatel'skii dom "BAKhRAKh", 1998. 672 p. (In Russ.).
12. Ryaguzova E.V. Mezhlchnostnoe otverzhenie kak osobyi variant otnoshenii v ontologicheskoi konstante Ya — Drugoi [Interpersonal rejection as a special type of relationship in the ontological constant 'Me and the Other'] [Elektronnyi resurs]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Akmeologiya obrazovaniya. Psikhologiya razvitiya = Izvestiya of Saratov University. Educational Acmeology. Developmental Psychology*, 2023. Vol. 12, no. 1 (45), pp. 24–33. doi:10.18500/2304-9790-2023-12-1-24-33 (In Russ.).
13. Semenova G.V., Vekilova S.A., Rudykhina O.V. Perezhivanie sotsial'nogo isklyucheniya: razrabotka i aprobatsiya oprosnika [Social Exclusion: Development and Testing of the Scale] [Elektronnyi resurs]. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2022. Vol. 13, no. 3, pp. 97–115. doi:10.17759/sps.2022130307 (In Russ.).
14. Suvorova I.Yu. Razrabotka probnoi versii oprosnika na opredelenie perezhivaniya isklyucheniya iz sotsial'noi sistemy [The development of trial questionnaire on social exclusion] [Elektronnyi resurs]. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2016. Vol. 7, no. 4, pp. 132–146. doi:10.17759/sps.2016070409 (In Russ.).

15. Suvorova I.Yu. Sotsial'naya eksklyuziya kak sotsial'no-psikhologicheskii fenomen [Social Exclusion as a Social Psychological Phenomenon]. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2014. Vol. 5, no. 4, pp. 29–43. (In Russ.).
16. Fetiskin N.P., Kozlov V.V., Manuilov G.M. Sotsial'no-psikhologicheskaya diagnostika razvitiya lichnosti i malykh grupp. Moscow: Izdatel'stvo Instituta psikhoterapii, 2002. 362 p. (In Russ.).
17. Khararbakhova M.A., Musatova O.A., Shpagina E.M. Internet i odinochestvo podrostkov [Internet and Loneliness of Adolescents] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i parvo = Psychology and Law*, 2021. Vol. 11, no. 4, pp. 2–13. doi:10.17759/psylaw.2021110401 (In Russ.).
18. Emmanuelli X. Otverzhennye: kak pobedit' prenebrezhenie k izgoyam? [Out. L'exclusion peut-elle être vaincre?] Moscow: NOTA BENE, 2009. 239 p. (In Russ.).
19. Ahmet A., Uysal R., Ümran A. Ergenler İçin Ostracizm (Sosyal Dışlanma) Ölçeğinin Türkçe'ye. *Kastamonu Eğitim Dergisi*. 2016. Vol. 24, no. 2, pp. 895–904.
20. Bearss K., Johnson C.R., Handen B.L., Butter E., Lecavalier L., Smith T., Scahill L. Planned Ignoring. In Bearss K., Johnson C.R., Handen B.L., Butter E., Lecavalier L., Smith T., Scahill L. *Parent Training for Disruptive Behavior*. Oxford: Oxford University Press, 2018, pp. 79–94. doi:10.1093/med-psych/9780190627812.003.0006
21. Çiftci N., Yıldız M., Çiftci K. The mediating role of social ostracism in the effect of social media addiction on loneliness in adolescents. *Journal of Pediatric Nursing*, 2023. Vol. 73, pp. 177–183. doi:10.1016/j.pedn.2023.09.005
22. Hudaynazarova A., Avşaroğlu S. Investigation of ostracism (social exclusion) and forgiveness levels of adolescents with positive and negative life experiences. *International Journal on Social and Education Sciences*, 2023. Vol. 5, no. 2, pp. 393–403. doi:10.46328/ijones.524
23. Gilman R., Carter-Sowell A., DeWall C.N., Adams R.E., Carboni I. Validation of the Ostracism Experience Scale for Adolescents. *Psychological Assessment*, 2013. Vol. 25, no. 2, pp. 319–330. doi:10.1037/a0030913
24. Li S., Zhao F., Yu G. Ostracism and aggression among adolescents: Implicit theories of personality moderated the mediating effect of self-esteem. *Children and Youth Services Review*, 2019. Vol. 100, no. 1. doi:10.1016/j.childyouth.2019.02.043
25. Molden D.C., Lucas G.M., Gardner W.L., Dean K., Knowles M.L. Motivations for Prevention or Promotion Following Social Exclusion: Being Rejected Versus Being Ignored. *Journal of Personality and Social Psychology*, 2009. Vol. 96, no. 2, pp. 415–431. doi:10.1037/a0012958
26. Ogurlu U. Ostracism among Gifted Adolescents: A Preliminary Study in Turkey. *Educational process: International Journal*, 2015. Vol. 4, no. 1-2, pp. 18–30. doi:10.12973/edupij.2015.412.2
27. Richman L., Leary M. Reactions to Discrimination, Stigmatization, Ostracism, and Other Forms of Interpersonal Rejection: A Multimotive Model. *Psychological Review*, 2009. Vol. 116, no. 2, pp. 365–383. doi:10.1037/a0015250
28. Williams K.D., Forgas J.P., von Hippel W. (eds.). *The social outcast: Ostracism, social exclusion, rejection, and bullying*. New York: Psychology Press, 2005. 389 p.
29. Williams K.D. Ostracism. *The Annual Review of Psychology*. 2007. Vol. 58, pp. 425–452. doi:10.1146/annurev.psych.58.110405.085641
30. Williams K.D. Ostracism: a temporal need-threat model. *Advances in Experimental Social Psychology*, 2009. Vol. 41, pp. 279–314. doi:10.1016/S0065-2601(08)00406-1
31. Williams K.D., Zadro L. Ostracism: On being ignored, excluded, and rejected. In Leary M.R. (ed.). *Interpersonal rejection*. New York: Oxford University Press, 2001, pp. 21–53.

Бойкина Е.Э., Чиркина Р.В., Радчиков А.С.,
Морозикова И.В., Пятых Г.А., Анисимова Е.В.
Шкала субъективного остракизма
(подростки, молодежь), ШСО-ПМ
Психология и право. 2023. Том 13. № 4. С. 132–149

Boykina E.E., Chirkina R.V., Radchikov A.S.,
Morozikova I.V., Pyatykh G.A., Anisimova A.V.
Ostracism Experience Scale
(adolescent, youth), OES-AY (in Russ.)
Psychology and Law. 2023. Vol. 13, no. 4, pp. 132–149

Информация об авторах

Бойкина Екатерина Эдуардовна, кандидат психологических наук, доцент, кафедра юридической психологии и права, факультет юридической психологии, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2707-3969>, e-mail: boykinaee@mgppu.ru

Чиркина Римма Вячеславовна, кандидат психологических наук, доцент, заведующая, кафедра юридической психологии и права, факультет юридической психологии, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация. ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-7040-7792>, e-mail: rimmach@bk.ru

Радчиков Андрей Сергеевич, лаборант-исследователь, научно-практический центр по комплексному сопровождению психологических исследований PsyDATA, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <http://orcid.org/0009-0008-9378-0937>, e-mail: radchikov_a@yahoo.com

Морозикова Ирина Владиславовна, кандидат психологических наук, судебный эксперт-психолог, доцент, кафедра педагогики и психологии, Смоленский государственный университет, (ФГБОУ ВО СмолГУ), г. Смоленск, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0603-7026>, e-mail: irina_morozikova@mail.ru

Пятых Галина Анатольевна, уполномоченный по правам ребенка в Белгородской области, Администрация губернатора Белгородской области, г. Белгород, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4964-8409>, e-mail: belupoln@mail.ru

Анисимова Екатерина Владимировна, заведующая, сектор психологического сопровождения, отдел воспитательной и социальной работы, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7060-602X>, e-mail: anisimovaev@mgppu.ru

Information about the authors

Ekaterina E. Boykina, PhD in Psychology, Associate Professor, Department of Legal Psychology and Law, Faculty of Legal and Forensic Psychology, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2707-3969>, e-mail: boykinaee@mgppu.ru

Rimma V. Chirkina, PhD in Psychology, Docent, Head, Department of Legal Psychology and Law, Faculty of Legal and Forensic Psychology, Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russia, ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-7040-7792>, e-mail: rimmach@bk.ru

Andrew S. Radchikov, research laboratory assistant, Scientific and Practical Center for Comprehensive Support of Psychological Research “PsyDATA”, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <http://orcid.org/0009-0008-9378-0937>, e-mail: radchikov_a@yahoo.com

Irina V. Morozikova, PhD in Psychology, forensic psychologist, Associate Professor, Department of Pedagogy and Psychology, Smolensk State University, Smolensk, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0603-7026>, e-mail: irina_morozikova@mail.ru

Galina A Pyatykh, Commissioner for Children’s Rights in the Belgorod Region, Administration of the Governor of the Belgorod Region, Belgorod, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4964-8409>, e-mail: belupoln@mail.ru

Бойкина Е.Э., Чиркина Р.В., Радчиков А.С.,
Морозикова И.В., Пятых Г.А., Анисимова Е.В.
Шкала субъективного остракизма
(подростки, молодежь), ШСО-ПМ
Психология и право. 2023. Том 13. № 4. С. 132–149

Boykina E.E., Chirkina R.V., Radchikov A.S.,
Morozikova I.V., Pyatykh G.A., Anisimova A.V.
Ostracism Experience Scale
(adolescent, youth), OES-AY (in Russ.)
Psychology and Law. 2023. Vol. 13, no. 4, pp. 132–149

Ekaterina V. Anisimova, Head, Sector of Psychological Support, Department for Educational and Social Work, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7060-602X>, e-mail: anisimovaev@mgppu.ru

Получена 23.10.2023
Принята в печать 07.11.2023

Received 23.10.2022
Accepted 07.11.2023